

УДК 930.2:631.5(470.1)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

П.П. КОТОВ*Сыктывкарский
государственный
университет**e-mail: kotovpetr55@mail.ru*

Выявляются возможности объективного освещения уровня земледелия по архивным источникам конца XVIII – начала XX вв. Показана технология получения данных о посевах и урожаях хлебов и доказана высокая степень достоверности этих сведений. Обращено внимание на ошибочные и неточные выводы по вопросам анализа уровня земледелия, которые утвердились в исторических исследованиях.

Ключевые слова: архивные источники, уровень земледелия, посевы и урожай хлебов, отчеты губернаторов, пробные умолаты, общественная запашка.

В последние годы в России явно обозначилось стремление обеспечить свою продовольственную безопасность. Поэтому становится актуальным учесть исторический опыт сельскохозяйственного производства и его основы – земледелия. В научных трудах оно анализировалось, главным образом, в ходе изучения истории крестьянства и крестьянского хозяйства¹. Такой подход в полной мере был характерен и для работ по истории Европейского Севера России XVIII – начала XX вв.² При этом, в контексте изучения земледелия основное внимание уделялось обеспеченности крестьян землей и рабочим скотом, эволюции агрокультуры, состоянию орудий труда и ряду других проблем. Однако, названные сюжеты не отражали в должной мере реальное состояние земледелия в регионе, тем более его уровень (результативность). Наиболее полно уровень земледелия характеризуют показатели урожайности, посевов и сборов хлебов в расчете на человека и обеспеченности населения своими хлебами в % от минимальной нормы потребления. Заметим, что до начала XX в. определить производительность труда крестьян в современном понимании невозможно.

Архивные источники позволяют провести системный анализ уровня земледелия с конца XVIII до начала XX вв. Этот период вместил в себя переломные события в истории России. В конце XVIII в. начался кризис феодальных отношений, который обострился во второй четверти XIX в. и завершился отменой крепостного права и серией буржуазных реформ. Затем началось становление и развитие новых, капиталистических отношений. В их рамках Россия пережила несколько войн, включая первую Мировую, три революции и крах монархии. Все эти события были взаимообусловлены и взаимосвязаны с развитием главной тогда сферы экономики – сельским хозяйством и его фундамента, земледелия.

Изучение сведений о посевах и урожаях хлебов было начато в XIX в. и наиболее успешно продолжено в 1950 – 1960-х гг. в трудах И. Д. Ковальченко, А. С. Нифон-

¹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1; М., 1958. Т. 2; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974; Рубинштейн Н.А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974 и др.

² История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1; Архангельск, 1986. Т. 2; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976; Трофимов П.Н. Очерки экономического развития Европейского Севера России (Дореволюционный период). М., 1961 и др.

това и некоторых других историков³. Однако это направление, за редким исключением⁴, в исторической науке практически не развивается с середины 1970-х гг., хотя далеко не исчерпало себя.

Начнем с того, что в существующих исследованиях до последнего времени отсутствовал даже анализ законодательной базы, которая регулировала и регламентировала порядок составления отчетов о посевах и урожаях хлебов на местах. Мало того, в историографии не оговорено и точное время появления таких законов. Лишь в отдельных случаях упоминается закон 1866 г.⁵ Наши исследования, опубликованные в последние годы, показали, что сведения о посевах и урожаях хлебов воеводы должны были представлять еще по указам Петра I. Законы Елизаветы I вводили для губернаторов и воевод единообразную форму отчетов о посевах и урожаях хлебов, сроки их составления и учреждения, в которые они отсылались. По указам Екатерины II определялась уже табличная форма отчетов о посевах и урожаях хлебов по всем губерниям, провинциям и уездам страны. Здесь уточнялись время представления отчетов и ведомства, в которые они поступали. В начале XIX в. всех губернаторов России обязали представлять ежегодные «Всепопданнейшие отчеты», в которых аккумулировались данные о населении, хозяйственной деятельности, сборах налогов, путях сообщения и других сторонах жизни губерний. В этот перечень вошли и материалы о посевах и урожаях хлебов. Отныне из самостоятельного документа они превратились в элемент комплексного губернаторского отчета. В 1837, 1842 и 1870 гг. законодатель изменял лишь форму представляемых сведений «хлебной отчетности»⁶. Иными словами, всю «хлебную отчетность» можно объединить общим условным термином – отчеты губернаторов о посевах и урожаях хлебов.

Основной массив данных о посевах и урожаях хлебов на Европейском Севере отложился по XVIII в. – в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА)⁷, по XIX – началу XX вв. – в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (РГИА)⁸. В связи с законодательными изменениями форм отчетности о посевах и урожаях хлебов, изменялась и их информационная насыщенность. По Европейскому Северу России в отчетах за XVIII в. приводятся сведения о посевах, валовых и чистых сборах каждой из высеваемых культур по уездам, провинциям и губерниям (иногда – по волостям). С 90-х годов XVIII в. по 30-е годы XIX в. эти сведения (дополненные показателями урожайности в «самах») фиксировались также по уездам и губерниям, но не по каждой из зерновых культур, а в целом по озимым и яровым хлебам. Эти же данные, но только по губерниям присутствуют в отчетах с 1837 г. Затем, с 1842 по 1868 – 1869 гг. в отчетах отмечаются показатели о посевах, валовых сборах и урожайности озимых, яровых и картофеля (иногда льна и конопли) по сословным группам и категориям крестьян опять же в целом по губер-

³ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство..; Он же. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53 – 86; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1978; Он же. Статистика урожаев в России в XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // Исторические записки. 1968. Т. 81. С. 216 – 258; Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804-1861 гг.) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Кн. IX и др.

⁴ История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 309 – 316, 411 – 416; Т. 2. С. 69 – 79; История северного крестьянства. Т. 2. С. 68 – 74, 199 – 206.

⁵ См., например: Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 54 – 58; Камкин А.В. «Недородные книги» в Нижнем Подвинье (комплекс источников 1766-1767 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 54 – 73.

⁶ См., подробно: Котов П.П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX вв. // История государства и права. 2010. № 22. С. 12 – 14.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 263 – Пятый департамент Сената; Ф. 1239 – Московский дворцовый архив.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 – Комитет министров; Ф. 1276 – Совет министров; Ф. 1281 – Канцелярия Министерства внутренних Дел; Ф. 1287 – Хозяйственный Департамент МВД; Ф. 1290 – Центральный статистический комитет; Ф. 1409 – Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

ниям. Начиная с 1870 г. источники стали наиболее информативно богаты. Они содержат данные о посевах и сборах каждой из земледельческих культур с разбивкой уже на уездном уровне по сословным группам населения.

Наиболее ранние данные о посевах и урожаях хлебов на Европейском Севере и в Сибири обнаружены нами по 60-м годам XVIII в. Весьма представительны они по 90-м годам этого столетия⁹. Свои сведения «хлебной отчетности» архангельские губернаторы представляли вплоть до Первой мировой войны, вологодские и олонекские губернаторы – до конца XIX в. Последние с 1897 г. перестали самостоятельно собирать сведения и стали использовать материалы хлебной статистики Центрального статистического комитета МВД России (ЦСК МВД).

В центральных архивах за многие годы XVIII – XIX вв. отчеты о посевах и урожаях хлебов по губерниям Европейского Севера не сохранились. Кроме того, из имеющихся материалов очень часто невозможно вычленировать сведения по уездам, что предопределялось и законодательством о «хлебной отчетности». В этой ситуации весьма важными являются источники местных архивов: Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), муниципального учреждения «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»), Национального архива Республики Карелия (НАР Карелия) и Национального архива Республики Коми (НАР Коми)¹⁰. В них отложились многие документы, представляющие из себя подготовительные материалы к губернаторским отчетам, иногда и копии самих отчетов. Они позволяют не только восполнить сведения отсутствующих за ряд лет отчетов губернаторов, но и существенно разнообразить и обогатить характеристику земледельческого производства. Весьма представительные сведения о посевах и урожаях хлебов по северной удельной деревне выявлены и в фонде 515 (Департамент уделов) РГИА. Привлекая всю совокупность выявленных архивных источников можно восполнить данные о посевах и урожаях хлебов по губерниям Европейского Севера за ряд лет XVIII в. и почти за все годы XIX в., по удельной деревне – с 1797 по 1869 гг. и по северным уездам – за большинство лет XIX в. Благодаря этим материалам во многих случаях можно проанализировать уровень земледелия по селениям помещичьих и горнозаводских крестьян за несколько десятилетий первой половины XIX в., по отдельным волостям и даже по селениям и городам.

С другой стороны, значение указанных архивных материалов выходит за узкие региональные рамки Европейского Севера России. Они позволяют, например, существенно уточнить процедуру составления отчетов о посевах и урожаях хлебов и содержат новые факты о степени объективности этих отчетов. В общем виде схема составления отчетов о посевах и урожаях хлебов заключалась в следующем: вначале эти показатели определялись по селениям, затем суммировались по волостям, уездам, провинциям (до 1780 г.), областям (в 1780 – 1796 гг.) и губерниям. На низовом уровне сведения представлялись: в казенной и дворцовой (удельной) деревне – органами крестьянского самоуправления, в крепостных селениях – помещиками. Далее, ответственность за представление сведений лежала на уездных органах власти, чиновниках удельных контор и предводителях дворянства. Такая схема составления отчетности регламентировалась уже по указам XVIII в. Однако ни в XVIII, ни в XIX вв. законодательство не расписывало методику сбора первичных сведений о посевах и урожаях хлебов на низовом – сельском уровне. Архивные источники позволяют восполнить этот пробел. Их анализ свидетельствует, что посе́вы хлебов опреде-

⁹ Котов П.П. Некоторые сведения о производстве зерновых хлебов в Сибири во второй половине XVIII в. // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Тезисы докладов. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 148 – 149; Он же. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. // Проблемы истории России XVIII – XX вв. Сыктывкар, 1997. С. 25 – 45.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1, 2, 4, 6, 51, 53; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 14, 17, 18, 354, 388; Муниципальное учреждение «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»). Ф. 10, 272, 36; Национальный архив Республики Карелия (НАР Карелия). Ф. 1. Оп. 1 – 47; Национальный архив Республики Коми (НАР Коми). Ф. 6, 7, 116, 117, 155, 156.

лялись достаточно просто и, на наш взгляд, довольно точно. Ведь к осени, к моменту составления отчетов затраты зерна на семена были известны каждому из хозяев, сельским выборным начальникам и помещикам. Эти затраты, учитывая нормы высева зерна на единицу запашки, можно было проверить и уточнить.

Сложнее было с определением показателей сборов хлебов. Известно, что крестьяне, особенно в северных регионах, хлеб обмолачивали не сразу после жатвы, а постепенно – в течение зимы и, даже, весны. Поэтому сборы хлебов определялись по так называемым пробным умолотам. Вероятно, такая практика сложилась уже к началу XVIII в. Во всяком случае, по выявленным архивным источникам в 30 – 50-х годах XVIII в. определение урожаев хлебов по пробным умолотам было обычной процедурой¹¹. Как рядовое явление пробные умолоты упоминаются и в указе от 29 ноября 1799 г. о создании запасных хлебных магазинов «в казенных и помещичьих селениях»¹². По мнению И. Д. Ковальченко она сводилась к следующим операциям: в селениях выбирали несколько участков фиксированной по площади «худой» и «доброй» по качеству пашни, с которых зерновые убирали и обмолачивали. Затем подсчитывали средний показатель сбора хлебов с единицы запашки, перемножали его на количество засеянных весной десятин и получали искомые размеры валовых сборов¹³.

Вероятно, такая методика проведения пробных умолотов практиковалась в южных и центральных регионах России. Однако на Европейском Севере ее буквальное применение было невозможно в связи с отсутствием достаточно точных данных о размерах пашенных угодий. Здесь при составлении отчетов о посевах и урожаях хлебов в графе о площади запашки писали – «по неизмерению показать немочно» или «размеру земель в десятины никогда не бывало и затем показать немочно»¹⁴. Поэтому на Севере на выбранных участках «плохой» и «доброй» земли учитывали не только обмолоченное зерно, но и количество сжатых на них снопов, скирд и копен хлебов. Далее фиксировали сколько зерна в среднем вымолачивалось из снопа, скирды или копны. Следует учитывать, что число снопов в скирдах и количество скирд в копнах было примерно одинаково. Зная общее количество сжатых скирд и копен не сложно было подсчитать и валовые урожаи хлебов. С другой стороны, на Севере практиковали опыт, когда участки пашни для пробных умолотов определяли еще весной и учитывали количество посеянного на них зерна. Осенью после обмолота хлеба высчитывали среднюю урожайность в «самах» и полученный показатель перемножали на общее количество посеянного хлеба. Окончательно этот способ определения валовых сборов хлебов устанавливается на Европейском Севере России в первой трети XIX века¹⁵. Заметим, что описанные способы определения сборов хлебов часто сочетались для взаимной проверки полученных данных¹⁶.

Как видим, сама процедура проведения пробных умолотов подразумевала возможности проверки выводимых показателей. Выявленные в местных архивах новые источники позволяют сделать вывод, что на Европейском Севере по волостям осуществлялись еще и контрольные пробные умолоты. Они проводились специально командированными уездными чинами в присутствии сельских и волостных начальников и выбранных из крестьян понятых¹⁷. Результаты контрольных умолотов фиксировались в так называемых «Свидетельствах». Так, из текста одного из «Свиде-

¹¹ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 194; Ф. 1089. Оп. 1. Д. 7, 11, 12, 14, 19.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (1730–1801). СПб., 1830. Т. XXV. № 19203. С. 898.

¹³ Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 54 – 58.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 10960, 10961, 10961а, 10963, 11362; Оп. 2. Т. 1. Д. 27, 290, 573, 758; Ф. 4. Оп. 7. Д. 56; Оп. 9. Д. 19, 33, 45, 52; РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 785; Ф. 609. Оп. 1. Д. 1784; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 59054, 59129, 59243; НАР Карелия. Ф. 3а. Д. 412.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вероятно, И. Д. Ковальченко все-таки ошибался и в отношении других регионов России. В упомянутом указе от 29 ноября 1799 г. отмечено: «...по учиненному обмолачиванию нескольких снопов опыту...» (ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 898).

¹⁷ См., например: ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 681. Л. 57 – 61.

тельств» следует, что в 1836 г. в Арабачской волости Вологодской губернии дворянский заседатель Яренского земского суда Клеопатров произвел контрольные пробные умолоты «при голове того правления, сельских начальниках и заверенных присягою разных селений понятых крестьянах» и убедился в «подлинности» низкой урожайности хлебов, особенно озимой ржи. Здесь же объяснялись причины низких урожаев, возможности пополнения хлебов за счет промыслов и пригодность зерна в пищу. В частности, отмечалось, что «рожь по истечении вид имеет красный, к употреблению жителями в пищу пригодна»¹⁸.

Все крестьяне, которые выступали понятыми при контрольных пробных умолотах и заверяли «Свидетельства» подписывали еще и «Клятвенные обещания». Свидетель заверял, что «объявлять буду самую сущую правду, ничего не утаю и не прибавлю ни для дружбы, свойства, подарков или дачи ниже страха ради, зависти и вражды»¹⁹. Каждое «Клятвенное обещание» заверялось проверяющим уездным чиновником и подтверждалось «присягою» местного священника²⁰. В отчетах губернаторов и других документах упоминания о «Свидетельствах» и «Клятвенных обещаниях» встречается неоднократно, но полные их тексты выявлены пока в единичных экземплярах.

О серьезности отношения чиновников к «хлебной отчетности» свидетельствует и то, что даже после проведения контрольных пробных умолотов сведения о посевах и урожаях хлебов нередко еще раз уточнялись. Так, Усть-Сысольский земский исправник писал вологодскому губернатору: «По обширности заведываемого мною уезда, без личного удостоверения не решил донести Вашему Превосходительству об урожае (хлеба. – К.П.), последовавшем в сем 1836 году...»²¹. Приведенные факты не позволяют безоговорочно принять тезис И. Д. Ковальченко, что «никакой проверки точности поступающих сведений (о посевах и урожаях хлебов. – К.П.) ... не существовало»²². Априорно (мы не обнаружили таких фактов) крестьяне стремились уменьшить показатели «хлебной отчетности», но сделать это им было далеко не просто.

Следует еще раз подчеркнуть, что процедуры пробных умолотов осуществлялись в каждом селении и по всем возделываемым родам хлебов. Таким образом, по сути, проводился ежегодный сплошной учет данных о посевах и урожаях хлебов. В архивных источниках, по нашему мнению, отражен конечно не абсолютно точный, но достаточно высокий уровень объективности сведений о посевах и урожаях хлебов.

Дополнительно в этом можно убедиться на примере материалов об общественной запашке в удельной деревне. Под нее в 1828 – 1829 гг. была выделена часть крестьянской пашни. Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности. Получаемое зерно ссыпалось в так называемые запасные хлебные магазины (на случай неурожайных лет). Первоначально урожайность хлебов на общественной запашке не отличалась от урожайности на крестьянских полях. В 1834 г. удел ввел «минимум урожайности для полей общественной запашки». Все зерно сверх этого «минимума» продавалось, а деньги распределялись между удельными чиновниками. Поэтому после 1834 г. убранный с общественной запашки хлеб стали тщательно измерять (вплоть до гарнцов и фунтов) в течение зимы – начала весны. Эти сведения о реальных сборах хлебов поступали в Департамент уделов, который контролировал «правильность» продажи зерна сверх установленного «минимума» и определял суммы вознаграждений для чиновников. С другой стороны, с 1828 г. в удельное ведомство каждую осень наряду с данными о посевах и урожаях хлебов на крестьянских землях стали высылать сведения по общественной запашке. И все эти показатели определялись по пробным умолотам²³. Иными словами, за 1835-1858 гг. можно вычлениить и сравнить сведения об урожаях

¹⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 681. Л. 45 – 47.

¹⁹ Там же. Л. 49 – 50.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 72.

²² Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 54 – 58.

²³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39 – 72; Оп. 12. Д. 676а – 2338.

зерновых на общественной запашке, основанные и на пробных, и на действительных умолотах.

Как и ожидалось, данные пробных умолотов чаще занижались по сравнению с реальными урожаями, реже – превышали их. В 1835-1858 гг. показатели сборов озимых с общественных полей по пробным умолотам относительно действительных умолотов оказались ниже в удельной деревне Архангельской губернии за 18 лет, яровых – за 23 года, в Вологодской губернии – соответственно, за 13 и 12 лет, в Вятской – за 22 и 23 года и в Пермской – за 21 и 19 лет. Кроме того, в Вологодской губернии эти показатели совпадали по озимым – за 4 года и яровым – за 2 года, в Пермской – соответственно, за 1 и 2 года. В рассматриваемые годы отклонения пробных по отношению к действительным умолотам колебались в Архангельской губернии в озимом клине от -7,1% в 1843 г. до +8,2% в 1835 г., в яровом – от -6,3% в 1843 до +0,6% в 1848 г., в Вологодской губернии – соответственно, от -3,4% в 1845 г. до +1,8% в 1854 г. и от -7,5% в 1845 г. до +3,3% в 1853 г. Примерно такая же амплитуда колебаний этих показателей наблюдалась и на общественной запашке удельной деревни Пермской губернии: по озимым от -2,9% в 1839 г. до +2,4% в 1840 г. и по яровым – от -4,0% в 1839 г. до +10,6% в 1845 г. В яровом поле общественной запашки Вятской губернии разница между пробными и действительными умолотами так же особо не выделялась и находилась в пределах от -10,5% в 1835 г. до +1,5% в 1840 г., тогда как в озимом поле ее рамки были шире – от -12,0% в 1835 г. до +13,3% в 1855 г.²⁴

Таблица 1

Среднегодовые сборы зерновых по пробным и действительным умолотам на общественной запашке удельной деревни Европейского Севера и Северного Приуралья в 1835-1858 годах²⁵

Губернии, годы	Сборы озимых, четвертей		Соотношение в %	Сборы яровых, четвертей		Соотношение в %
	пробный умолот	действительный умолот		пробный умолот	действительный умолот	
Архангельская						
1835-1842	3356	3424	98,0	4227	4384	96,4
1843-1850	3234	3327	97,2	5133	5293	97,0
1851-1858	3874	3845	100,8	3715	3812	97,5
Вологодская						
1835-1842	3938	3937	100,0	6440	6449	99,9
1843-1850	3681	3721	98,9	7417	7522	98,6
1851-1858	4339	4345	99,9	6210	6252	99,3
Вятская						
1835-1842	56217	18193	96,5	22475	23997	93,7
1843-1850	22959	23195	99,0	26371	26703	98,8
1851-1858	22202	22561	98,4	29607	30253	97,9
Пермская						
1835-1842	3607	3656	98,7	5639	5764	97,8
1843-1850	4449	4487	99,2	4340	4189	103,6
1851-1858	4935	4960	99,5	7395	7141	99,4

Материалы таблицы 1 свидетельствуют, что разница между данными об урожаях хлебов по пробным и действительным умолотам существенно сглаживается, ес-

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39 – 72; Оп. 12. Д. 676а – 2338.

ли оперировать не годовыми, а среднегодовыми за 8-10 лет показателями, как это принято в исторических исследованиях. В 1835 – 1858 гг. на общественной запашке Архангельской губернии в среднем по восьмилетним периодам разница между пробными и действительными умолотами в озимом клине составляла от -2,0 до +0,8% и в яровом поле – от -2,5 до +3,6%, в Вологодской губернии – соответственно от -0,1 до +0,03% и от -0,1 до -1,4%, в Вятской – от -1,0 до -3,5% и от -1,2 до -6,3%, в Пермской губернии – от -0,5 до -1,3% и от -2, 2 до +3,6%.

В связи с анализом всех выявленных материалов «хлебной отчетности» остановимся еще на одном общепринятом в исторических трудах выводе, который сводится к следующему: чем больше территория охвата пробными умолотами, тем выше точность выведения средних показателей урожая. Ученые считают, что достаточной объективностью обладают лишь средние по губерниям данные о посевах и сборах хлебов²⁶. На наш взгляд, важнее не «величина территории», а выведение показателей сборов хлебов на основе усредненных данных за 8 – 10 лет. В этом случае объективность пробных умолотов была довольно высока даже на общественной запашке удельной деревни, которая составляла не более 10% от учтенной крестьянской пашни. Кроме того, общая площадь общественной запашки в Вятской губернии в 4-5 раз превосходила аналогичные показатели по Архангельской, Вологодской и Пермской губерниям. Но, как показано в таблице 1, соответствие пробных умолотов действительным на общественной запашке Вятской губернии далеко не всегда было выше, чем в упомянутых трех губерниях.

Для характеристики уровня земледелия самым важным является показатель обеспеченности крестьян своим хлебом. Он, в свою очередь, предполагает выведение минимальной душевой нормы потребления хлебов. Эта норма определяется в исторической литературе неодинаково. Часть исследователей склоняется к обозначению ее в 2 четверти хлебов на человека в год на основании частого упоминания именно такого показателя в источниках²⁷. Следует признать, что в отчетах северных губернаторов за XIX в. норма в 2 и даже в 1,5 четверти фигурирует часто. Однако многие губернаторы, особенно до начала XIX в. определяли более высокие ее размеры. В частности, губернатор пермский и тобольский в отчетах за 90-е годы XVIII в. писал о годовой норме в 3 четверти хлебов на человека²⁸. Новгородский губернатор в 1821 г. определил ее в размере «до 8 четвертей на ревизскую душу»²⁹, т. е. более 3,5 четвертей на человека. Наверное, губернаторы ориентировались на законы о запасных хлебных магазинах. Так, по указу 1799 г. в них следовало иметь «годовой запас до 3 четвертей ржи и 3 четверика ярового» на каждую ревизскую душу³⁰. В 1822 г. эта норма была определена в 2 четверти³¹ и в 1834 г. – в 1,5 четверти³². По мнению чиновников, которые обследовали северную удельную деревню в 1859 г. необходимо «для прокормления» примерно 19 пудов хлеба на человека в год³³. В реальной жизни население употребляло хлеба, вероятно, еще больше. Во всяком случае, наблюдения за двумя крестьянскими семьями, которые в 1849 г. провел титулярный советник Родин в Шивринском сельском обществе Сольвычегодского уезда и в Пестовском сельском обществе Устюгского уезда Вологодской губернии показали, что на питание одного человека уходило от 3,5 до 3,6 четвертей зерна в год³⁴. На наш взгляд, чиновни-

²⁶ Ковальченко И.Д. Динамика уровня... С. 58 – 61.

²⁷ См. подробно: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 48 – 50.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 59054, 59219.

²⁹ Государственный архив Новгородской области (ГААО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 72. Л. 115 – 163об.

³⁰ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

³¹ Там же. Т. XXXVIII. № 29000. С. 148.

³² Там же. Собрание Второе ПСЗ РИ – 2). СПб., 1835. Т. IX. № 7253. С. 692.

³³ ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 429. Л. 47; Оп. 3. Д. 1. Л. 48об.

³⁴ Иловайский И.Б. Архивные источники о быте государственных крестьян Вологодской губернии середины XIX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период) / Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1986. Вып. 38. С. 142 – 143.

ки, указывая душевую норму потребления хлеба в 1,5 – 2 четверти подразумевали, что крестьяне могут выдержать (пережить) отдельный год. При этом они не имели в виду постоянную и необходимую для полноценного существования норму потребления хлеба. По анализируемому вопросу следует согласиться с авторами «Аграрной истории Северо-Запада России», определившими годовую норму потребления в 20 пудов хлеба на человека, без учета необходимого фуража³⁵. Важно, что они предложили учитывать особо и фуражное зерно, необходимое для содержания рабочего скота, без которого невозможно было земледелие.

Таким образом, данные архивных источников о посевах и урожаях хлебов обладают довольно высокой степенью объективности. Они позволяют проследить эволюцию основных показателей уровня земледелия по всем уездам и губерниям Европейского Севера с конца XVIII до конца XIX вв.. В случае соединения этих данных с материалами хлебной статистики ЦСК МВД этот анализ можно продлить до начала Первой мировой войны. В результате появляется возможность отразить изменение роли земледелия в жизни северной деревни на протяжении нескольких исторических эпох и проанализировать степень влияния на результативность земледелия реформ, войн и других общероссийских явлений и местных природно-климатических, социальных и прочих особенностей.

THE STUDY OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN RUSSIA IN LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES ON THE EXAMPLE OF EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

P.P. KOTOV

Syktuykar State University

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

The article shows the opportunities of objective study of agriculture's level with the archival sources of late 18 – early 20 centuries. The author shows a technology of data receiving about crops and harvests of cereals and proves a high level of credibility of these data. The article pays attention to wrong and inaccurate conclusions about the questions of analysis of the agricultural level which has been strengthened in historical researches.

Key words: archival sources, agricultural level, crops and harvests of cereals, governors' reports, trial yields, public ploughing.

³⁵ Аграрная история Северо-Запада России. ... С. 50.